

Последние Комнины. Начало реакции.

Царь Мануил умер в сентябре 1180 г. на пятьдесят восьмом году жизни. Империя переходила к сыну его, едва достигшему одиннадцатилетнего возраста, Алексею II, за которым стоял ряд царских родственников и высших сановников, «с завистью посматривавших на царскую порфиру и выжидавших лишь случая примерить ее». Во главе правительства стояла вдова умершего царя, императрица Мария, дочь антиохийского князя Раймунда. К несчастью правительница не пользовалась между греками популярностью, прежде всего как иностранка, а затем как весьма легкомысленная женщина, за которой признавалось одно положительное качество — желание и умение нравиться. Ее красота была в ее руках сильным орудием: она могла водить за нос всех.¹ Еще при жизни мужа она была в связи с племянником Мануила, протосевастом Алексеем, теперь же и другие лица пытались заслужить ее внимание. Протосевасту Алексею, занимавшему в царской семье первое место вслед за детьми Мануила, выпадала завидная доля: быть фаворитом царицы и занимать влиятельное положение в правительстве. Но его не любили ни греки, ни иностранцы за непрямоту характера, за услужливость перед высшими и за невыносимый деспотизм перед теми, кто ниже его. О нем делает такой отзыв Вильгельм Тирский (XXII, с. 11): он пользовался советом и помощью латинян, но был нелюбим ими. Как все греки, был изнежен сверх меры и для удовлетворения своих прихотей придумывал неслыханные фантазии. Большим несчастьем для вдовы Мануила было то, что она была под влиянием столь ничтожного человека.

Дочь царя Мануила, выданная в тридцатилетнем возрасте за маркграфа монферратского Райнерия, который по этому случаю был возведен в сан кесаря и, следовательно, приближен к престолу, была

---

¹ Nicetas, p. 151.19; 318.

устранена от влияния на дела и, таким образом, вместе с другими членами фамилии Комнинов, заняла враждебное к правительству положение. Ко временному правительству принадлежал и патриарх константинопольский Феодосий. Царица Мария и протосеваст, не пользовавшиеся популярностью среди местного служилого дворянства, естественно искали опоры в слоях служилого и торгового сословия из иностранцев и тем бессознательно подготавливали образование национальной политической партии в Константинополе. Независимо от того стали распространяться слухи, что непопулярный протосеваст задумывает произвести переворот, устранив от власти наследника престола. Уже в начале 1181 г. составил заговор с целью лишить жизни протосеваста.¹ Хотя на этот раз протосеваст торжествовал победу, так как заговор был открыт, но вскоре дело враждебной ему партии перешло в искусные руки и поведено было с большим успехом.

В борьбе партий, открывшейся по смерти Мануила, принял деятельное участие тогдашний князь-изгой, Андроник Комнин, который не находил себе поприща деятельности в Византии и большую часть царствования Мануила провел в скитаниях по различным землям Европы и Азии. Существенное обстоятельство, обуславливавшее положение Андроника в царском семействе, заключалось в том, что он происходил от старшей линии, устраненной от престола не во имя государственного закона о престолонаследии, даже не в силу обычая, а единственно личною волею царей из младшей линии. Именно, царь Мануил родился от младшего сына Алексея I Комнина, Иоанна, между тем как Андроник — от старшего, севасторатора Исаака. Уже отец Андроника делал попытку отнять власть у царя Иоанна, но потерпел неудачу, бежал на восток и поднимал против Византии Иконийского султана. Что в потомстве севасторатора Исаака властолюбие в соединении с энергией и даровитостью было наследственной чертой, видно уже из того, что в третьем поколении эта линия действительно достигла царской власти, образовав Трапезунтскую империю. При оценке деятельности Андроника, конечно, нельзя упускать из виду этой наследственной черты.

Юношеские годы Андроник провел в столице и воспитывался вместе с своим двоюродным братом, будущим царем Мануилом. Как

---

¹ Will. Tyriensis, XXII, c. 5: Kalendis martiis detecti sunt quidam nobiles — res novas molientes contra dominum Alexium; Nicetas, p. 301.15

и все Комнины, Андроник получил хорошее школьное образование, любил беседовать с учеными знаменитостями и сам делал попытки в литературных трудах. Но, несмотря на дружбу и школьное товарищество, между Мануилом и Андроником не могли укрепиться искренние и доверчивые отношения, чему препятствовал частью их личный характер, частью новый порядок престолонаследия, установленный Комнинами. Со стороны Мануила было много подозрительности и доверия к доносам и наговорам, со стороны же Андроника — мало осторожности в отзывах о своем брате-царе. Как бы то ни было, Андроник никогда не был желанным и приятным в столице; здесь или приставляли к нему шпионов, или прямо заключали под стражу. Натянутые отношения между Мануилом и Андроником обнаружались весьма рано.

Человек честолюбивый и богато наделенный дарами природы, Андроник не уступал самому Мануилу в храбрости, много превосходя его остроумием, веселым нравом и доступностью. Ему не стоило большого труда сделаться популярным и любимым в столице. По своему положению, в особенности по фамильным притязаниям на власть, перешедшую к другой линии, Андроник не мог удовлетворяться второстепенными ролями и желал высших званий и отличий. Но при дворе остерегались давать ему полномочия и думали удовлетворить его неважными поручениями, которые Андроник неохотно принимал и невнимательно исполнял. Частная жизнь его была далеко не безукоризненна. В особенности открытая связь с родною племянницей Евдокией, дочерью севастократора Андроника, возбудила при дворе серьезное неудовольствие и желание воспользоваться первым предлогом к удалению Андроника из столицы. Два раза поручали Андронику воеводство в Киликии, раз посылали для управления пограничною с Уграми областью. Там и здесь он заслужил порицание в небрежности и навлек на себя подозрение в политической неблагонадежности. Трудно сказать, справедливы ли были обвинения в политической измене, за которую Андроник поплатился продолжительным тюремным заключением. Бежав из темницы, он искал убежища сначала на Руси у Галицкого князя Ярослава Владимировича (около 1164 г.), а потом с 1166 г. начал жизнь скитальческую, переходя из одной страны в другую. Был в Антиохии, в Палестине, в Дамаске, в Багдаде, наконец в Грузии. Можно полагать, что он провел около 15 лет при дворах различных государей востока. Этот период, в который, однако, не забывали Андро-

ника в Константинополе, должен считаться самым любопытным в истории его жизни. Незадолго до смерти царь Мануил пригласил его в Константинополь, взял с него слово не искать власти при малолетнем Алексее II и назначил ему жить в одном из черноморских городов. Здесь и жил Андроник в 1181 г., когда до него дошла весть о смерти Мануила.

Со смертью Мануила открывалось широкое поприще для честолюбивых притязаний Андроника. Он брался за дело чрезвычайно осмотрительно. Жизненным опытом изощренный в тайной интриге, он не желал рисковать ни чем, ведя дело издалека и прикрываясь самыми благонамеренными целями. Сначала он действовал тайно, через письма и посланцев, приготовляя почву для выполнения обдуманного плана. Что Андроник непосредственно руководил событиями, о которых предстоит нам говорить, усматривается из многих обстоятельств. Во главе заговора против протосеваста, открытого в феврале 1181 г., стояли двое сыновей Андроника — Мануил и Иоанн, о чем прямо свидетельствуют источники, написанные вскоре после событий. Из Пафлагонии, где указано было ему жить, Андроник внимательно следил за событиями в столице. Никто не мог оспаривать у него права на ближайшее участие в правительственных делах, ему всего приличнее было стоять во главе регентства. Он начал сеять раздор между руководящими лицами и, приняв на себя защиту национальных интересов, выступил открыто уже тогда, когда недалновидный протосеваст успел показать, что от него нельзя ожидать решительных мер против наплыва иностранцев.

Мануил и Иоанн, сыновья Андроника, были исполнителями инструкций, получаемых от отца. Они впервые организовали партию против протосеваста и составили заговор на его жизнь. Среда, в которой они преимущественно вращались, состояла из царских родственников и высших сановников, недовольных новыми порядками. Между ними отметим: дочь умершего царя цесаревну Марию, бывшую в супружестве с маркграфом Монферратским Райнерием, переименованным у греков в Иоанна; протостратора Алексея Комнина, незаконно-рожденного сына Мануила; Андроника Лапарду, Иоанна Дуку, Иоанна Каматира и др. Допуская, что в этом первоначальном движении основным мотивом были личные счеты придворных, обиженных надменностью протосеваста, мы думаем, что только усердие Феодора Пантехни могло раздуть это дело в заговор на жизнь царя Алексея. Устранение царя

теперь еще не было желательным для того, кого можно было считать душой заговора; для Андроника было нужно лишь произвести брожение в столице и тем напомнить о себе, относительно же дальнейших действий у него были особые планы. Хитроумный Андроник выступал именно в качестве защитника попираемых прав законного наследника престола. С предостережениями в этом смысле он обращался из своего изгнания к патриарху Феодосию и к другим лицам, у которых еще жива была благодарная память к умершему императору.

Словом, Андронику было желательно связать свое имя с освобождением византийской аристократии от протосеваста.

17 февраля 1181 г. заговорщики предположили захватить протосеваста Алексея во время его поездки в Вафи Риак на Босфоре,¹ причем нанятые убийцы должны были умертвить его в церкви в честь Феодора Тирона, во время вечерней службы. Тайна заговора не была, однако, соблюдена, и протосеваст узнал об угрожавшей ему опасности. Он назначил следствие по этому делу, которое согласно с его желаниями произведено было Пантехни, прокурором по секретным делам. Никита Акоминат упрекает судебное следствие в поспешности и пристрастности и самый суд, возглавляемый матерью-регентшей и царем, — в несоблюдении установленных форм и в лишении обвиняемых права защиты. Упрек весьма знаменательный, если вспомнить ходячие мнения о византийском деспотизме и если принять в соображение, что имеется в виду политическое преступление. Патриарх Феодосий употреблял все усилия, чтобы восстановить на суде правду, т.-е., чтобы признать обвинение лишь в покушении на жизнь протосеваста и не касаться вопроса об оскорблении величества, на чем, очевидно, было построено обвинение. Но Пантехни с настойчивостью провел обвинение во всей силе. Два сына Андроника, Мануил и Иоанн, также протостратор Алексей и эпарх города Каматир были присуждены к тюремному заключению. Менее родовитые лица подверглись разным родам смертной казни; часть замешанных в заговоре выпущена на свободу, а часть спаслась бегством за границу. Во время судопроизводства должно было выясниться участие в заговоре и цесаревны Марии и ее мужа, хотя, по всей вероятности, вслух не было произнесено их имя. Пантехни еще готовил для цесаревны удар, когда патриарх, стоявший на стороне заговорщиков, предупре-

---

¹ Ныне Буюк-дере.

дил ее об опасности и предложил ей убежище в церкви святой Софии. Это происходило в великом посту.

На 5 апреля приходилась в 1181 г. Пасха, величайший христианский праздник, привлекавший в Царьград множество богомольцев из Европы и Азии. К обычной церковной торжественности присоединялась особенность отношений между светскою властью и духовною. Для случайных посетителей Царьграда, равно как для городской черни и всякого сброда праздного люда представлялся случай редкого зрелища. По обычаю, от Софийской церкви должна была отправиться во дворец депутация с патриархом во главе, чтобы поздравить царя с праздником. Совершенно исключительные условия, вытекавшие из открытого заступничества за цесаревну, внушили патриарху естественное опасение явиться во дворец, почему торжественная процессия была, по его приказанию, отложена. Это было отступление от обычая, и оно не могло не быть замечено народом.

Высокий авторитет, которым пользовался патриарх Феодосий, бывший также опекуном малолетнего императора, предостерегал протосеаста против крутых мер. Нельзя было не заметить к тому же, что городское население и уличная толпа не останутся безучастными к делу, за которое стоял патриарх. Между тем цесаревна Мария и супруг ее не выходили из церковной ограды. К ним присоединилось не малое число их приверженцев, равно как и таких лиц, которые боялись оговора и ареста. Нашлись желающие оберегать священное убежище с оружием в руках. Правительство, чтоб избежать смуты, оказалось вынужденным вступить с цесаревной в переговоры, обещая ей амнистию. Но она ставила свои условия, требуя, чтобы назначено было новое следствие о заговоре и чтобы выпущены были на свободу несправедливо обвиненные. А главное — она настаивала, чтобы протосеаст, позорящий память ее предков, лишен был власти и удален от двора. Но протосеаст не считал свое дело проигранным, влияние же его на царицу-мать было безгранично. Цесаревне отвечали приказанием покинуть церковную ограду, а в противном случае угрожали насилием. Тогда цесаревна оградила св. Софию цепью наемных людей из итальянцев, из армянских купцов и частью из греков. Как можно догадываться, последние меры не входили уже в планы патриарха и не могли заслужить его одобрения. По словам Никиты, он порицал цесаревну за то, что она зашла слишком далеко, хотя до конца оставался верным партии, враждебной протосеасту.

В последних числах апреля взаимное раздражение партий дошло до такого напряжения, что приверженцы цесаревны вступили в открытую борьбу с правительством. Борьба на многолюдных улицах города и на площадях продолжалась семь дней. С этим вместе начинается роковая эпоха движения, перешедшего в народ и изменившего свой первоначальный характер. Личные счеты цесаревны и регента Алексея протосеваста должны были отступить на задний план перед народным недовольством иностранцами, на которых издавна опиралось правительство. Столичные беспорядки конца апреля и начала мая, потушенные наемными отрядами, были предвестником страшной смуты, роковой по своим последствиям для империи.

Евстафий Солунский, сообщающий мало внешних подробностей о восстании против правительственной партии, дает, однако, понять мотив и напряжение смуты. «Это была священная война», говорит он, «не потому, что церковные люди принимали в ней участие, или что она началась в ограде и притворах церкви св. Софии, но по мысли, которая воодушевляла константинопольскую чернь». Народные страсти возбуждены были систематическим пренебрежением правительства к интересам населения и частью основательным опасением, что ромэям неминуемо угрожает порабощение со стороны латинян, если не будет дано решительного отпора. Эта сторона дела со всею правдивостью отмечена Вильгельмом Тирским, посетившим Константинополь за год до смерти Мануила: «Время регентства Алексея протосеваста казалось удобным для знати и народа к осуществлению враждебных против нас планов. Ибо в царствование Мануила латиняне пользовались таким предпочтением, что император, муж великодушный и несравненной энергии, пренебрегая своими изнеженными и женственными греками, одним латинянам поручал важные дела, полагаясь на их испытанную верность и силы. И поелику латиняне пользовались его отличным расположением и расточительною щедростью, то наперерыв спешили к нему со всего мира и знатные и незнатные. Нуждаясь в их услугах, он питал к ним все увеличивавшееся расположение и всех возводил в лучшее состояние. Оттого греческая знать и в особенности царские родственники и весь народ возымели непримиримую ненависть к нашим; к напряженному недовольству и кипящей ненависти присоединялась и разность вероучения. Надменные выше меры и по гордости отделившиеся от Римской церкви греки считают еретиками всех тех, кто не следует их произвольным традициям. Уже издавна питая враждебные

чувства, они выжидали удобного случая, чтобы хоть по смерти императора истребить ненавистных латинян, живших в городе и в областях империи». Задача Андроника клонилась к тому, чтобы овладеть этим народным движением против латинян и воспользоваться им для достижения своих целей. Так именно и понималась сначала миссия Андроника; ею объясняется весь успех его в борьбе с правительством Алексея II.

Главнейшие лица враждебной протосевасту партии находились в переписке с Андроником и сообщали ему о ходе движения в Константинополе, которое и было направляемо согласно с его инструкциями. Семидневная свалка на улицах столицы приготовлена была, как можно догадываться, не цесаревной и не сыновьями Андроника, а рукой более опытной, и поддерживалась во имя более популярное. Что имя Андроника было знакомо народу и пользовалось уважением, в этом нельзя сомневаться: в народе пелись песни про богатую приключениями жизнь Андроника, про его переменную судьбу и рыцарские похождения. Стоило только объявить ему о национальном деле, чтобы поднять народ против существующего порядка и слабого правительства.

Судьба цесаревны Марии, нашедшей не совсем полную безопасность под защитой церкви, неуступчивость протосеваста, безцеремонно пользовавшегося случайными правами, заключение под стражу высших сановников, — все это служило поводом к сборищам и давало ораторам случай разжигать народные страсти. «И во всяком другом городе чернь безразсудна и непреодолима в своем стремлении; цареградская же уличная толпа особенно склонна к волнениям и отличается необузданностью и непрямотою. Иногда пустой слух приводит ее в бунт, восстание разливается как пожар, толпа смело идет на мечи, не останавливается перед утесом и глухим валом». Как и во всяком большом городе, низший класс цареградского населения представлял собою постоянный протест против достаточных классов. Предпочтение, оказываемое иностранцам и новым правительством, оскорбляло народное самолюбие и давало приверженцам Андроника прекрасный случай, указывая на роскошные дома пришельцев и на экономическое положение народа, сулить в близком будущем освобождение от ненавистой тирании. Однажды во время церковной процессии, собравшей огромные массы народа на площади Августеон, толпа произвела буйную демонстрацию против протосеваста и регентши. Некоторые клирики,

став во главе толпы, с крестом и иконами в руках, разошлись по населеннейшим частям города, волнуя народ и поднимая его на священную войну. Приверженцы правительства подверглись ожесточенной мести толпы, которая несколько дней сряду буйствовала по улицам города, разрушая дома богачей и расхищая имущества. Роскошные дворцы епарха города и прокурора верховного суда Пантехни, на ряду с другими, отмечены были в числе жертв народной мести. При этом погибли или были истреблены акты, утверждавшие права привилегированных классов. Протосеваст желал сначала овладеть местом, откуда выходили волновавшие народ воззвания. Но храм св. Софии и прилегавшие к нему здания обращены были в укрепленный лагерь, на который нужно было действовать не одною только силой, но также и искусством.

Утром 2 мая предводитель царского отряда армянин Савватий, занял смежный с Августеоном храм Иоанна Богослова, и с крыш этого здания завязал перестрелку с цесарианцами, владевшими башней Миллион и храмом Алексея. Другой царский отряд в то же время отрезал тесные улицы и переулки, по которым могли прибывать к цесарианцам новые подкрепления. Здесь на улицах, идущих от Августеоны, началась борьба, продолжавшаяся весь этот день. К вечеру толпы народа были разогнаны царскими войсками, защитники башни Миллион и церкви Алексея также покинули свои места, и тогда началось поспешное бегство к притворам св. Софии. Патриарх Феодосий, чтобы предупредить побоище в самом храме, так как царский отряд стоял уже почти при входе, вышел в облачении в притвор и увещал не нарушать святости места. Правительство усмирило, казалось, бунтовщиков; но победа досталась ему дорогой ценой, ибо народ разошелся по домам с затаенной злобой, «питая в душе измену». В ночь патриарх послал просить царицу-мать за цесаревну Марию, к его просьбе присоединили свои ходатайства великий дука Андроник Контостефан и великий этерарх Иоанн Дука. Им удалось в ночь на 3 мая выхлопотать полную амнистию цесарианцам, после чего цесарь и цесаревна Мария оставили ограду св. Софии.

В это время передавали в Константинополе слухи об Андронике, говорили, что он не потерпит поругания престола и отомстит протосевасту за все его несправедливости. Ораторы, восхваляя Андроника, приводили одно древнее предсказание, по которому ему обещана царская власть; доказывали, что он один в состоянии принять под защиту

народное дело, как человек умудренный опытом и летами и не зараженный латинским влиянием. В самый разгар борьбы вооруженных партий, когда народ был оттеснен от храма св. Софии и принужден спасаться бегством, не раз по толпе пробегала молва, которой доверяли разгоряченные головы: «Вон идет Комнин, остановился близко, около статуи коровы, против пролива». Другие же и сами верили и уверяли других, что Андроник уже с ними, что он сражается в их рядах. Действительно, можно удивляться, почему в самом деле Андроник не явился в Константинополь к маю 1181 г. Если его имя было так популярно в Азии, как в столице, то его дело могло считаться выигранным уже в это время.

По мере приближения к столице Андроник посылал воззвания к жителям городов, предлагая им сдаться. Иоанн Дука, правитель Никеи, едва ли не родной брат протосеваста, сохранил этот важный город в верности регенту. Точно также отверг предложения его Иоанн Комнин, правитель Фракийской фемы. Но эта неудача мало беспокоила смелого искателя приключений. Более мог повредить ему решительный удар со стороны императорского войска, которое поручено было набрать Андронику Ангелу. Но этот царедворец давал иное употребление денежным средствам, полученным на наем военных людей, и выставил против отряда пафлагонцев, подкрепленного горстью земледельцев, весьма слабые силы. К стыду империи пафлагонцы разбили Андроника Ангела при местечке Карак, и сам вождь, не желая подвергаться ответственности и давать отчет в растрате сумм, передался Андронику Комнину с шестью своими сыновьями.

Измена Андроника Ангела поставила Алексея протосеваста в весьма затруднительное положение, показав ему, чем силен его противник, и как мало вокруг него людей, на которых он мог бы положиться. Между тем Андроник Комнин направился прямо к столице и расположился со своими приверженцами в Халкидоне, на противоположном берегу пролива. Так как с ним был все же незначительный отряд, то, чтобы произвести впечатление на жителей столицы и отнять у них охоту поддерживать протосеваста, Андроник распорядился раскинуть палатки на возвышенных местах берега и, посадив часть своих людей в рыбацьи лодки, приказал им разъезжать по проливу, на виду у жителей столицы. Установились сношения одной стороны с другою. Андроник со всеми был ласков и приветлив и всех уверял в близком вступлении в город. Протосеваст потерял голову и позволил Андро-

нику много времени стоять в виду Константинополя, не принимая против него решительных мер. Он мог еще питать надежду выставить против Андроника иностранный флот, единственную силу, на которую в описываемое время могла опереться правительственная власть в Константинополе: поразительная слабость, постыдное банкротство! Иностранная колония привилегированных купцов и разного рода предпринимателей, будучи опорой правительства, служила в то же время главнейшим мотивом движения против того же самого правительства, которое росло с приближением Андроника. Лучше, чем сами греки, понял это иностранец, Вильгельм Тирский. «Не только те, которые явно переходили к Андронику, *ослабляли нашу партию*, но и все другие знатные и народ уже не тайно, но явно высказывал свое расположение к Андронику. Вследствие того наши, страшно пораженные, боялись неожиданного нападения на них греков, будучи о том предведомлены некоторыми участниками в заговоре».

Итальянцы, по преимуществу венецианцы, готовы были пожертвовать всеми наличными силами, чтобы предотвратить собиравшуюся на них грозу. Для правительства же оставалось неизбежною и роковою необходимостью воспользоваться услугами иностранцев против народного движения. В Константинополе поспешили собрать годные к употреблению латинские и греческие суда. Протосеваст желал было дать начальство над флотом кому-нибудь из близких лиц, но и здесь должен был уступить обычаю, чем и погубил в конце свое дело. Тогдашний великий дука флота, Андроник Контостефан, настоял на том, чтобы флот поручен был непременно ему. Несколько дней провел он в бесполезных движениях около берегов, желая, повидимому, положить конец перебегам из столицы в лагерь Андроника и наоборот; наконец, вошел в тайные сношения с халкидонским лагерем и предался со всем флотом на сторону Андроника Комнина. Последний выразил свое удовольствие по этому случаю, устранявшему последние препятствия на пути в столицу, в следующих словах, обращенных к Андронику Ангелу: «Вот я посылаю ангела моего пред лицом твоим, который приготовит путь твой пред тобою». Для полноты характеристики положения следует упомянуть еще об одном лице, которому пришлось играть при Андронике важную роль: это — будущий патриарх Георгий Ксифилин. Протосеваст возложил на него поручение переговорить с Андроником об условиях, на которых тот согласился бы оставить свои угрожающие намерения и распустить войско. Говорят, что Кси-

Филин вполне уверил Андроника в успехе его дела и внушил ему отнюдь не соглашаться на предложение протосеваста. Он принес в Константинополь решительный ответ, что требования Андроника заключаются в строгом суде над регентом и в устранении от дел матери-регентши.

Андроник Комнин обязан был своими успехами главнейше добротству партии греческих аристократов, которая в свою очередь приготовила политический переворот, разжигая вражду между пришлым привилегированным классом столицы и греками. Целый квартал в Константинополе предоставлен был итальянцам, которые считали себя опорой империи и не скрывали пренебрежения к презренным ромэям. Но Алексей протосеваст был виновником усиления иноземного влияния. Он желал пользоваться услугами венецианского флота в той же мере и в тех же обстоятельствах, как не раз это случалось при царе Мануиле. Но теперь, в виду подстрекательств со стороны приверженцев Андроника, а также в виду надежд на перемену правительства, народное чувство сказывалось в весьма резкой форме. На площадях городских собирались сходки, на которых открыто говорилось, что регентша и протосеваст, потеряв любовь ромэев, ищут спасения в латинянах, что протосеваст поступился честью и независимостью империи, «обещая отдать латинянам город и обратить греков в рабство». Эти слухи, распускаемые слишком усердными слугами Андроника и его приверженцами, произвели сильное возбуждение умов и вызвали наружу самые темные элементы населения и необузданные инстинкты. Возбужденной массе нужна была жертва, точно так же как она нужна была родовой греческой знати, явно и тайно поощрявшей Андроника. Еще призрачная власть находилась в руках протосеваста, когда более сильная невидимая рука начала уже заправлять делами. Из государственной темницы выпущены были сыновья Андроника и много других лиц, обвиненных в заговоре на жизнь протосеваста. Вскоре сам протосеваст был арестован во дворце и несколько дней содержался под крепкую стражей варягов. Затем сопровождаемый шутовской процессией, он был отправлен в лагерь Андроника и присужден к ослеплению. Ослеплением протосеваста удовлетворена была часть сподвижников Андроника, родовая аристократия. Нужно было принести другую жертву в удовлетворение массы народа.

По требованию исторической правды мы должны заметить, что страшное избиение латинян в Константинополе случилось еще прежде, чем Андроник успел переправиться из Халкидона в столицу.

Легкий успех, с которым Андроник достиг популярности в Константинополе и получил в свои руки высшую власть, обуславливался двумя обязательствами, принятыми им на себя и имевшими составить программу его царствования. Он обязывался, во-первых, установить национальное правительство и освободить Византию от латинян, во-вторых, ослабить служилую аристократию и поместное дворянство, причем предполагался ряд мер, имевших целью обеспечить благосостояние земледельческого сословия. Эти обязательства обуславливали деятельность Андроника и привели его к роковым коллизиям. Его сила и обаяние заключались в ожидаемых от него реформах. Связанный событиями, он едва ли мог предупредить кровавую расправу с венецианцами. Он был еще на другой стороне пролива, когда отряд пафлагонцев сел на суда и переправился на другой берег. Городская чернь, встретив этот отряд, повела его к Золотому Рогу, где была колония латинских купцов, живших в довольстве и роскоши, числом до 60 тысяч. Многие из них успели спастись поспешным бегством, пользуясь близостью моря, многих постигла, однако, страшная участь и зверское истребление. Многочисленная толпа с остервенением набросилась на латинские жилища и не давала никому пощады, без разбора пола и возраста. На море гонялись с греческим огнем за отплывавшими кораблями, на суше встречали мечем бегущих. То не был только грабеж и расхищение богатых домов, то было беспощадное истребление целого племени. Кто не выходил из домов из боязни или за слабостью сил, тех запирали и сожигали. Богатый иностранный квартал обращен был в дымившиеся развалины. «Там», говорит Евстафий Солунский, «сеяли семя, из которого выросли колосья. Мы и другие вместе с нами пожали их потом на ниве Персефоны». В опьянении толпа шла от частных домов к церквям и благотворительным учреждениям, при чем были разрушены многие церкви, перебиты духовные лица, а между последними и папский посол Иоанн, преданный позорному поруганию и обезглавленный. В странноприимном доме Иоаннитов перебиты были лежавшие на постелях больные. Говорят, что до 4000 венецианцев, генуэзцев и сицилийцев были проданы в плен туркам и другим восточным народам. «Так неистовствовали безбожные греки против своих гостей, за которых выдавали замуж дочерей, племянниц и сестер, и с которыми вследствие долговременного сожительства были в тесном общении».

Греки дорого, однако, заплатились за минутное торжество. В то же время, как происходила в Константинополе описанная расправа с иностранцами, часть их, успевшая заблаговременно сесть на суда и спастись, с таким же ожесточением как и греки, напала на селения и города по Босфору и на Принцевых островах. Монастыри, многочисленные в окрестностях Константинополя, подверглись грабежу и пламени, монастырская братия была перебита. Латиняне вознаградили свои убытки награбленными здесь, веками копившимися церковными и частными имуществами. Вышедши в море, итальянцы не переставали опустошать прибрежные области и нанесли империи бесчисленные бедствия. Все эти беглецы, ушедшие частью на запад, частью на восток в Сирию, глашатаи о греческом варварстве, свидетельствовали об огромных потерях, понесенных латинским западом на востоке и старались распространять мысль о неумолимом возмездии. Событиями 1182 г., действительно, если не посеяно, то полито зерно фанатической вражды запада к востоку. С этими событиями нужно соединять и сицилийский поход 1185 г. и завоевание латинянами Цареграда в 1204 г.

События складывались весьма благоприятно для Андроника. Влияние при дворе и в высшей администрации, по устранении прото-севаста Алексея, получили сыновья Андроника. Приверженцы его свободно приходили к нему в лагерь и принимали от него инструкции. Городское население давно уже приготовлено было к встрече Андроника. Но он не спешил в столицу и откладывал торжественный въезд до апреля 1182 г. В это время появилась комета, которая истолкована была как небесное знамение, указующее судьбы империи. Многие охотно верили, что она прямо связана с судьбой Андроника. Если партия Андроника была уже многочисленна в Константинополе, то нет ничего удивительного, что появление кометы объяснено было в благоприятном смысле и послужило новым основанием к возвышению популярности Андроника. Провидение, казалось, отличает для греков своего избранника, давая им в смутное время давно желанного, лучшего царя.

Период реакции по смерти Мануила, в которой Андронику суждено было играть главную роль, в высшей степени привлекателен для историка во многих отношениях, хотя и достаточно обследован с точки зрения радикальных реформ, которые искренно или нет предположены были Андроником в удовлетворение национальной партии,

способствовавшей его возвышению.¹ С одной стороны, обаятельный образ Андроника и его рыцарские романтические похождения, составляющие благодарный предмет для романа,² с другой—жестокие и бесчеловечные поступки с парицей-вдовой, с племянником своим, царем Алексеем, и с византийской аристократией, возбуждающие отвращение в душе читателя, и, наконец, громадного значения для тогдашней Византии программа, которая не может не подкупить в пользу этого истинного злодея на царском троне — таковы крайние противоречия, которые и до сих пор возбуждают недоумение в исследователях истории Андроника. Есть прекрасное место, которым характеризуется программа и настроение Андроника. Желая приготовить себе усыпальницу в храме 40 мучеников, он озаботился возобновлением его и украшением. Между прочим на одной картине, вероятно мозаичной, приказал представить себя не в царском, однако, облачении и не в золотом одеянии, но в виде скромного работника в одежде синего цвета, спускающейся до колен, а ноги от колен вниз обернуты в белые портянки. В руке у него большая кривая коса, которою он, склонившись, ловит образ юноши, изображенный только по плечи.³

Первым делом по вступлении в Константинополь в апреле 1182 г. было торжественное изъявление покорности и почтения к царю Алексею, который с матерью находился в Манганском дворце. Спустя некоторое время была посещена усыпальница Мануила в церкви Пандократора. Присутствовавшие были поражены выражением глубокой скорби, которую обнаружил Андроник; но многие иначе поняли эту сцену, и слезы Андроника называли актерством. Скоро, однако, истинные чувства и намерения Андроника стали для всех ясны. Прежде всего он постарался принять на себя правительственные задачи и для этого постепенно устранил от дел своего племянника, которому предоставил развлечения и игры и его мать с ее приверженцами. В то же время он с особенной настойчивостью стал преследовать представителей родовитого дворянства, отнимая у них должности и по доносам и подозрениям лишая свободы и подвергая изгнаниям и казням. Из сопровождавшего его и прибывшего с ним в столицу отряда пафла-

¹ Wilken, *Historisches Taschenbuch v. Raumer*, 1831; *Tafel, Komnenen und Romanen*. Ulm, 1852; Ф. И. Успенский, *Цари Алексей II и Андроник*. Ж. М. Н. Пр., ноябрь-декабрь, 1880.

² Pervanoglou, *Historische Bilder aus dem Byzant. Reich: Andronicus Comnenus*. Leipzig, 1879—1880.

³ Nicetas, p. 452.

гонцев он устроил как бы своего рода опричину, из членов которой выбирались заместители высших должностей, и которая составляла верную стражу Андроника. Первой жертвой был Иоанн Кантакузин, который был лишен зрения и заключен в темницу по подозрению в том, что сноится с двором царя Алексея II и поддерживает связи с своим шурином Константином Ангелом, в котором Андроник стал подозревать опасного для себя врага. Смелый удар был затем нанесен царской семье: цесаревна Мария, бывшая в замужестве за маркграфом Райнерием, была отравлена, а вскоре за ней погиб и ее муж. Никто не сомневался, что отравы была дана по приказанию Андроника. Слишком встревожила высшее дворянство политика Андроника, начались попытки вооруженной борьбы. Первый опыт обнаружился в восстании Иоанна-Комнина-Ватаци, великого domestика, который из Филадельфии начал движение против Андроника. Неожиданная смерть Ватаци на время прекратила смуту, но скоро был обнаружен заговор, в котором приняли участие высшие чины: Андроник Ангел, начальник флота Контостефан, логофет дрома Каматир. Но заговор был открыт, и виновников постигли страшные наказания и конфискация имущества. Чувствуя под собой твердую почву, Андроник принял затем меры к удалению правительницы Марии. Сначала против нее возбуждено было народное раздражение, как против иностранки, под влиянием которого патриарх должен был дать согласие на удаление ее из дворца. Не довольствуясь этим, Андроник чтобы окончательно погубить ее, пустил в народ слух, что она состоит в сношениях с угорским королем и подстрекает его на войну с империей. Над царицей было наряжено следствие, и напуганные самовластными действиями Андроника судьи приговорили ее к смерти по обвинению в государственной измене. Верхом жестокого издевательства, на которое едва ли был способен царь Иоанн Грозный, и подобие которого можно указать разве в отношении афинянки Ирины к своему злосчастному сыну, было то, что судебный приговор о казни царицы поднесен был для подписи сыну ее. «Бумага, говорит историк Никита, написанная брызгами материнской крови, осуждавшая ее на смерть, вручена была для исполнения самому близкому Андронику человеку, сыну его Мануилу; но у него оказалось еще столько чувства справедливости и сознания ужаса совершенных злодейств, что он решительно отказался пачкать руки в этом грязном деле. Андроник, пораженный этими словами, стал крепко крутить волосы своей бороды, глаза его горели, и он, то склоняя голову, то под-

нимая ее, горько оплакивал свою несчастную судьбу»... Несчастливая царица после этого была задушена в монастыре св. Диомида приспешниками Андроника, которые отравили и порфиородную Марию — то были Константин Трипсих и евнух Птеригионит. Для достижения предположенной цели единственным препятствием был теперь патриарх, но и он скоро удалился от дел, когда Андроник стал убеждать его благословить незаконный брак своей дочери с побочным сыном Мануила, рожденным принцессой Феодорой, с которой Мануил имел связь. Когда на место несговорчивого Феодосия был назначен в патриархи Василий Каматир, главнейшие препятствия к решительному шагу казались устраненными. В сентябре 1183 г. Андроник без всякого протеста провозгласил себя соимператором, а на другой день льстецы стали ему внушать, напоминая стих Гомера: не хорошо многовластие, лучше быть одному царю. Не прошло и месяца после венчания на царство, при котором он торжественно клялся, что принимает эту тяжелую обузу только из желания помочь племяннику, как во дворце произошло многими ожидаемое, но вместе с тем редкое по своей исключительности событие: царь Алексей II был удушен, и престол оказался свободным для Андроника. Когда Стефан Агиохристофорит, Константин Трипсих и Феодор Дадиврин принесли к Андронику тело царя, «он толкнул его ногой и обругал его родителей, назвав отца клятвопреступником и насильником, а мать публичной женщиной. Потом иглой проколол ему ухо, продел нитку, наложил воск и приложил печать, что была на перстне Андроника. Затем было приказано отрубить ему голову».¹ Так погиб 15 лет от роду Алексей II Комнин. Обрученная за него дочь Людовика VII, которая имела не больше 11 лет, сделалась жертвой старческой похотливости жестокого тирана. Это не было, однако, последнее из возмутительных действий Андроника. Сделавшись единодержавным, он не имел уже тех побуждений к преступным убийствам и отвратительным действиям, которые могли служить некоторым объяснением его безчеловечных поступков с царской семьей и с византийской аристократией. Тем не менее основной характер его отношений к людям остается тот же. Есть одно обстоятельство, которое до некоторой степени может бросить иной свет на внутреннюю политику этого царя. Характер Андроника не может быть оцениваем исключительно с точки зрения полуофициальной отри-

---

¹ Все подробности у Никиты Акомината, стр. 354—5.

цательной литературы, которую мы располагаем. Этот последний представитель династии Комнинов имеет в истории providенциальное значение: он был, или по крайней мере казался, царем народным, царем крестьян. О нем пелись в народе песни и слагались поэтические повествования, след которых хранится в летописи и в приписках на неизданных рукописях истории Никиты Акомината.¹

Конечно, для Андроника было весьма важно воспользоваться народным настроением и пустить в оборот слух что он действительно является носителем либеральной программы, которая исцелит все злобы, народившиеся в последнее время. Независимо от сказаний о добром царе, который должен явиться в тяжкий период испытаний и спасти империю от бедствий, услужливо истолкованных в пользу Андроника его приверженцами, мы имеем указание на реальный повод для подобных народных взглядов на миссию Андроника в современных событиях литературных памятниках. Таковы, между прочим, речи и письма афинского митрополита Михаила Акомината, которые представляют превосходный материал для внутренней истории Византии, и в частности для города Афин в XII в., и из которых бьет живая струя оригинальных наблюдений по занимающей нас эпохе. Михаил жил в Константинополе до смерти царя Мануила, был очевидцем и непосредственным деятелем в событиях, последовавших за смертью его, и посвящен в епископы при Алексее II, а в Афины прибыл ранее того времени, когда в октябре 1183 г. Андроник погубил племянника и захватил царскую власть. Можно отсюда понять, какую важность следует придавать его сообщениям, касающимся политических событий того времени. На период регентства Андроника от мая 1182 до сентября 1183 г. падает речь митрополита афинского к претору Просуху, посланному в Грецию правительством с обширными полномочиями. Если рассматривать это как первый акт административной деятельности Андроника, то мы должны поставить его в связь с теми ожиданиями национальной византийской партии, какие соединялись с именем Андроника. Выступая с приветствием к византийскому вельможе, оратор должен был коснуться современных событий, касающихся столицы, и вместе с тем затронуть местные нужды. Выразив благодарность регенту Андроннику и царю Алексею за заботы об империи,

---

¹ Для оценки характера см. ряд моих статей в Журн. Мин. Нар. Просв.: «Царь Алексей II и Андроник» (ноябрь-декабрь 1880) и «Неизданные речи и письма Михаила Акомината» (январь-февраль 1879).

митрополит говорил следующее: «Мы пользуемся отменным счастьем в выборе и назначении сюда во всех отношениях прекрасного мужа. Ибо эта мысль не иному кому принадлежит, как общему ходатаю и заступнику мудрому Комнину, высокое же и гуманное осуществление ее есть дело божественного нашего императора. Она возвратила прежний блеск преторской власти, недавно искаженной нерадением тех, которые неправильно ею пользовались. Ты послан сюда от Бога и царя, благодетель бедных, пресекатель неправды, устроитель справедливости, носитель правого суда, мститель за обиды. Таковым желают тебя встретить страждущие города Эллады и Пелопонниса. Мы издавна убедились, что ты кроток с бедными, страшен же любостяжателям, что ты защитник угнетенных и враг насильников, не склоняешь ни направо ни налево весы Фемиды, имеешь чистые от взяток руки. Мы знаем, как ты любишь дома божии, как почитаешь священников служителей... Те страшные бедствия, в которые впала Эллада и от которых она чуть не умерла, исчезнут при содействии такого искусного врача; он не пощадит зараженных членов, чтобы не распространилась гангрена и не поразила все тело городов; он ослабит вымогательства сборщика податей и не доведет города до конечного разорения. Я надеюсь, что дарованными тобой благами насладится вся Эллада и Аргос, в особенности же моя Аттика и золотой некогда город Афины. Этот город, превосходивший все другие и блиставший, как луна среди окружающих ее звезд, ныне же померкший, одетый в печальное платье и лишенный золотых волос, поручил мне передать тебе следующее: как благовременно ты явился ко мне, мой освободитель! Взгляни на пресловутый город, как сокрушило его время и как его посетили затем разнообразные бедствия: осталась почти необитаемая деревня, которая узнается лишь по имени и почтенным останкам. И вот я, некогда рассадник всякой мудрости и вождь доблестный, в пеших и морских боях часто одерживавший блистательные победы, ныне страдаю от набегов пиратов и грабежей в приморских селениях и борюсь с голодом и жаждой и бедностью».¹ Не дальше как через год после того митрополиту афинскому случилось приветствовать нового претора Димитрия Дримы. В этой речи мы снова встречаемся с описанием бедственного положения современных Афин и вместе с тем имеем указания на административные реформы Андроника Ком-

¹ Λάμπρος, Μιχαήλ Ἀχομινάτου τοῦ Χωνιάτου τὰ σωζόμενα, I, 142.

нива, о которых в летописи почти не сохранилось следов.¹ «Почти их», говорил оратор, «Афины, облобызай землю красноречия, мудрый муж; только удержишься от слез и не омрачай настоящего торжества. Ибо я вижу, что у тебя наворачиваются слезы при взгляде на город Афины, который так утратил, не говорю прежний блеск — давно уже нет его, но и самый вид и порядок, соединяемый с мыслью о городе. Взгляни на стены частью полуразвалившиеся, частью совсем разрушенные, на эти здания, сравненные с землей и покрытые дикой травой, на этот как бы бешеный пир грабителей. Не трудись напрасно искать следов Илиэи, Портика или Ликейя: увидишь разве каменистый холм Ареопага, ничего священного, кроме обнаженного куска скалы, да разве еще небольшой остаток изящной стои... Музы и Хариты, философия и софистика покинули Аттику, ее унаследовала крестьянская и варварская речь». Узнав далее, что претор послан царем Андроником с целью восстановить в Элладе правый суд, оратор переходит к характеристике Андроника. «Трудно было бы даже кратко сказать о делах царя и воздать им приличную хвалу. Но если и невозможно передать всего, что мы слышали, и что повествовали нам те, которые возвещали хвалы царя, то не отказываемся бросить беглый взгляд на то, что мы сами знаем и что видели собственными глазами. И прежде всего вспомню, как в смутную и тяжкую годину ромэйская империя возвала к своему прежнему любимцу великому Андронику, дабы он низверг уже напиравшую латинскую тиранию и как польнь привившуюся к юной отрасли царства. И он не громадную пешую и конную силу вел с собой, но, вооруженный справедливостью, шел налегке в любящий город... Первое, чем он воздал столице за ее чистую любовь, было освобождение от тиранической и латинской наглости и очищение царства от варварской примеси. Потом изгоняет тех, которые с детской навязчивостью домогались империи и волновали монархию, разрывая ее на многовластие. Увы! Какой потоп угрожал царственному городу или, лучше сказать, стоящему над ним всему миру, пока не взялся за руль управления этот искусный кормчий. Какая же теперь тишина улыбается и готовится помазанному царю елей радости». Хотя и трудно из хвалебного риторического произведения извлекать реальные факты, но все же Михаил Акоминат дал несколько определенных на этот счет указаний. Прежде всего говорится о судебных реформах,

---

¹ Ibid. I, 157.

в особенности о привилегии в пользу церкви. Правда, что выражение «он удостоил священное сословие соседания и участия в высочайшей чести» нуждается в дополнительных объяснениях, но весьма вероятно, что данные духовенству преимущества стояли в связи с освобождением Андроника от присяги, данной им царю Мануилу, на счет оберегания прав наследника престола. Право патриарха на кресло возле императорского трона, будучи внешним выражением данных ему преимуществ, едва ли должно быть истолковано в смысле дарования духовенству прав на участие в суде рядом со светскими судьями. Но главным средством, привлечшим к Андронику народные симпатии, были, конечно, его судебные преобразования; от мудрости царя не укрылось, чем болеют ромэйские города: то ненасытные сборщики податей, то горсть богачей, напавшая на сохранившееся после них и поглотившая достояние Рима. В предупреждение чего на каждый округ поставлен судья, «дабы он раскаленным железом справедливости отсекал заразу любостяжания». Между самыми популярными мерами нового царя особенно выдвинута оратором мера по обеспечению вдов и сирот реформами законов о наследовании.

Заявив себя крестьянским царем и приняв на себя задачу очистить империю от иностранцев и от родовитых людей, имевших за собой влияние на дела и большую земельную собственность, Андроник не совсем точно рассчитал состав сил, какими он располагал. Высшие круги гражданского и военного сословия сплотились между собой ввиду угрожавшей им опасности и начали против Андроника как открытую, так и тайную борьбу, которая велась с таким умением и настойчивостью, что в ней победа оказалась на стороне первых. Открытое восстание обнаружилось в малоазийских городах: Никее, Бруссе и Лопадии. Душой движения были Кантакузины и Ангелы, но дело этим не ограничивалось и перешло в общее недовольство, обнаружившееся на окраинах империи. В особенности громадное значение в судьбе Андроника имели два обстоятельства: отпадение Кипра, где провозгласил себя независимым Исаак Комнин-Дука, и завоевание Солуни норманнами.

Короткое царствование Андроника не могло представить ни для крестьянского сословия ни для ремесленного константинопольского населения ручательства, что введенный им порядок прочен. Напротив, продолжавшиеся казни и заточения и конфискации имущества не могли служить залогом успокоения и мирного устройства дел в потрясенной

последними событиями империи. Популярность среди уличной толпы, к чему, повидимому, так стремился Андроник, была весьма ненадежной порукой за будущее. «И во всяком другом городе народная толпа безрассудна и непреодолима, цареградская же уличная толпа особенно склонна к волнениям, отличается необузданностью и кривым нравом, потому что состоит из разноплеменных народов. По справедливости порицается она за непостоянство характера, слабость и изменчивость. Неуважение к властям как-будто природное их качество: кого сегодня законно выбирают во властители, того скоро затем будут порицать как злодея».¹

Разыгравшаяся в столице трагедия, жертвой которой был последний представитель Комнинов, имела место в сентябре 1185 года, т.-е. через два года после венчания Андроника на царство. В то время как он продолжал защищать себя против действительных и мнимых врагов жестокими казнями и заточениями, его приверженцы посоветовали ему попытаться открыть тайных врагов посредством магии, при помощи лиц искусных в отгадывании будущего. Злой гений царя Стефан Агиохристофорит донес Андронику, что от 11 до 14 сентября самым опасным оказывается пмя, начинающееся с букв ИС. Сам Андроник посмеялся над оракулом, так как отнес его к Исааку, объявившему восстание на Кипре; никак невозможно было допустить, чтобы в три дня Исаак мог прибыть из Кипра и низложить его. Но Агиохристофорит имел в виду другого Исаака, из фамилии Ангелов, который жил тогда в столице. Вечером 11 сентября он решился захватить этого Исаака и заключить под стражу. Но, повидимому, жертва была подготовлена к сопротивлению, ибо Исаак нанес сильный удар Агиохристофориту и поразил его на смерть, сам же поспешно направился к храму св. Софии и искал защиты у алтаря. К счастью для него в городе не было царя, и к св. Софии успели собраться родственники Исаака и большая масса народу, которая более сочувствовала его положению, чем палачам Андроника. К утру следующего дня стали высказываться пожелания, чтобы Исаак возложил на себя корону. Между тем лишь только Андроник утром прибыл в город, здесь настроение вполне изменилось. Событиями начала управлять уличная толпа, открыты были темницы и выпущены из них заключенные. С оружием толпа окружила св. Софию и требовала провозглашения

---

¹ Nicetas, p. 304.

Исаака царем. Патриарх Василий Каматир был принужден совершить акт коронования и сопровождать нового царя по улицам города в торжественной процессии. Андроник сделал попытку вступить в переговоры с толпой, но видя, что на его стороне мало приверженцев, поспешил спастись из города бегством, переодевшись в простое платье. Спасшись на другую сторону Босфора, он имел намерение взять корабль и отправиться в Россию, но сильная буря помешала ему своевременно пуститься в море. Его задержали посланные Исааком люди, привезли в Константинополь и заперли в башню Анемы. Затем обремененного цепями привели к Исааку, который имел жестокость отдать его на поругание толпы. Последовала ужасная сцена издевательства над беспомощным стариком, закованным в цепи. С вырванными глазами и с отрубленной рукой он брошен был в темницу, где оставался без пищи и без всякого попечения. Через несколько дней его выводят на ипподром и здесь подвергают новым издевательствам и бесчеловечным мучениям, среди которых Андроник испустил дух.¹

Ф. Успенский.

---

¹ Подробный рассказ у Никиты Акомината: *De Andronico* lib. II, с. 11—12 (р. 448—458).